

Деревня Селиваново

В доме царствуют седые пауки,
в доме душная, сырая тишина,
на дверях томятся ржавые замки,
за наличниками ночь темным-темна.

Ни движения, ни скрипа половиц,
только где-то тихо капает вода –
в эту ночь роса слезинками с ресниц,
и прохладно серебрится лебеда.

Это сердца упокоенного сон,
и в крапиве затаившаяся тьма,
а беспмятная жизнь со всех сторон
обступает опустевшие дома.

Но о смерти, наступившей и былой,
не беседуют ни разум, ни душа...
Только веет иван-чаем и сосной,
и малина, словно в детстве, хороша.

Над Волгой

Всепоглощающая ширь
равнины и чащобы хмурой...
Сам Желтоводский монастырь
застенчивой миниатюрой
я вижу с этой высоты,
с безлесного откоса Волги,
и блещут искрами кресты
в лучах зари, по-русски долгой.

По-русски – значит широко
и не вмещает веками –
туман стекает молоком
под пепельными облаками,
и одинокая душа
зовет и ждет, сама не зная,
кто ей откликнется, спеша
и сердце стужей пеленая.

Размеренно, как метроном, –
все совершилось, все минуло,
над умирающим зерном
ни звездочки не проблеснуло,
и остановлена река,
и время пятится вслепую,
и дума бьется у виска –
как это чувство нареку я?

Вручи мне эту ширину
и подхвати движенье струга,
на стрежне разведи волну,
теченье изогни упруго,
и вниз по матушке-реке
пусть льется песня вековая,
и крылья весел налегке
взлетают, гребни разбивая!

Взбежать, сорваться и взлететь
над родиной, седой и сирой,
над ветром, хлестким, словно плетть,
и в небо, нежное как мир,
туда, где утро – навсегда,
где васильки не увядают,
туда, где вешняя вода
воистину вода святая.

* * *

Когда коснется одиночество
изломом высохших ветвей
и отзовется только отчество
из горькой памяти твоей,
тогда ты все увидишь заново,
как в детском радужном стекле –
предутреннее, первозданное,
единственное на земле.

Увидишь, словно не утрачены
в десятках прошуршавших лет,
в быту и беготне горячечной,
в дыму дешевых сигарет –

ни муравы прохлады дивная,
ни темных елей тишина,
ни восхищение наивное
смешной девчонкой у окна.

* * *

И всё это было музыкой,
спящей в закладках книг –
чёрный изгиб ужика,
кряквы нервозный крик,
синий бочок ягоды,
сливовая камедь,
лилии в тихой заводи,
заката тёплая медь.

За этой тишайшей музыкой
сквозь умирающий сад
спешишь по тропинке узенькой,
но не вернёшься назад,
потому что мотив ласковый
здесь не сыграть и не спеть,
потому что за детскими сказками
нас ожидает смерть.

А жизнь остаётся музыкой
в том надзвёздном краю,
где снова юной и суженой
я тебя узнаю,
где на опушке вечного
наша любовь звучит
дальними звонами вечера,
тихой струной в ночи.

* * *

Туда, где мох и спелая морошка,
моя душа влетает спозаранку
сквозь отворенное во сне окошко,
минуя поезда и полустанки.

Еловый сумрак без конца и края
она вбирает, раскрывая очи,
и, ведьминными кольцами играя,
себе самой – и родине пророчит.

Свои слова сама не понимает,
поёт их, словно песню берендеев,
и плачет вдруг, и бьется, как немая,
увидев над собой топор злодея.

И, соскользнув по иззубренной грани,
плывет к надежде паутинной нитью,

и в ому́тах созна́ний и страда́ний
горит и говорит, что снова быть нам!

Что будет снег, пуховый, непорочный,
и будет смех, тишайший и легчайший,
и в сердце будет нежность многоточий,
зовущая все дальше, дальше, дальше.

И будет как платочек на деснице
моя страна, где радуешься, плача,
где, умирая, улетаешь птицей
сквозь дым родной, смолистый и горячий!

Речка Черемха

Черемха ты или Черемуха?
Как понравилось, назови,
и не бойся ошибок и промахов –
это просто обмолвки любви,
это корни, мхами окутаны,
это черная грубость коры
с белой кипенью, летними утрами,
звонким щебетом детворы.

* * *

Солотча милая, уснувшая в снегу
как шишка с золотыми семенами!
Поделишься со мной своими снами,
пока я твой покой постерегу?

Краса сосны и крепость кирпича
плывут косыми строчками на белом –
их тихий строй мне только что напела
заката литургийная парча.

И я спешу, родная, за тобой,
вослед изгибаю луковиц и гроздьев,
по колеям в подковах и полозьях
в твой дух – и смоляной, и зерновой!

* * *

И снова говорят, что ты – была,
что капельками солнца купола
упали с неба и давно остыли,
что письма твои – одна зола,
и сам язык твой старчески бессилён.

Не стану спорить. Пошлые слова,
шуршат, как облетевшая листва,
крошатся, оставаясь без ответа.

Как в чистом поле ранняя трава,
так для моей души твои приметы –

окошко, просветлевшее в ночи,
и теплота растопленной печи,
и солнышки блинов, и чая кружка,
и небо, где весенние грачи
кружатся над ветшающей церквушкой.

Рыба моя

Рыба моя золотая, хозяйюшка тихого плёса,
слышу, как ты заплетаешь кувшинок зелёные косы,
вижу тебя в повечерье девушкой на берегу,
сказке твоей верю, радость её берегу.

Рыба моя, серебрянка, стройная дочь океана!
Сквозь пережат спозаранку идёшь, не чувствуя раны...
Вижу тебя в кольчуге светлых стальных колец,
выющую в пенном круге любви смертельный венец.

Рыба моя живая, сетей галилейских свиток!
Семь испекли караваев, тысячи были сыты.
Прочту анаграмму «ихтис», увижу размах креста –
в потоке порочных истин правда твоя чиста.

Рыба моя, тайна – воды и самой жизни!
Вёсел плеск величальный, полные солнца брызги!
Плыви, я тебя отпускаю в твой сокровенный скит –
ты же одна такая, мир на тебе стоит.

* * *

Из синей проталины неба
над храмом Бориса и Глеба
Ты смотришь на наши дела,
на битые карты и туши,
и наши пропащие души,
оструганные догола.

И как же в такой безнадеге
на грязной кандалной дороге
Ты видишь и липы, и мед,
и губ сочетаемых нежность,
и детского взгляда надежду,
и все, что прильнет и поймет?

Я буду слепым и оглохшим,
но дай мне слезы Твоей ковшик –
прозрею, услышу, спою,
коснусь облаков куполами,
узнаю сквозь камень и пламя
воздушную ризу Твою.